

ב"ה

ЛЕХАИМ

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

4/18

«Здесь они оставили больше, чем у них было». Польша. 1968

Михаил Горелик. Альфред Хичкок за пасхальным столом
BLOW UP
21

Аба Ковнер: «Не пойдем как овцы на убой!»
СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ
29

Аркадий Ковельман. «Асса»: слово о падшем херувиме
ОПЫТ
94

16+

9 785995 305804

ДОМ УЧЕНИЯ 4

ПОСЛАНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ
Время утешать. Как дальше жить? 5
Составитель Мендл Калменсон

СЛОВО РАВВИНА
Не судите, да не судимы будете 9
Берл Лазар

НЕРАЗРЕЗАННЫЕ СТРАНИЦЫ
Б-жественное провидение 10
Эдуард Шифрин
Основные направления в учении хасидизма 13
Гилель Цейтлин

ОПЫТ
Сила воображения 17
Адам Кирш

ТРАНСЛЯЦИЯ
Forward: Есть ли у Хабада ответ на женский вопрос? 19
Авиталь Чижик-Гольдшмидт

BLOW UP
Альфред Хичкок за пасхальным столом 21
Михаил Горелик

ЗВЕЗДА ДАВИДА
Майсы от Абраши 25
Натан Вершубский

АКАДЕМИЯ 28

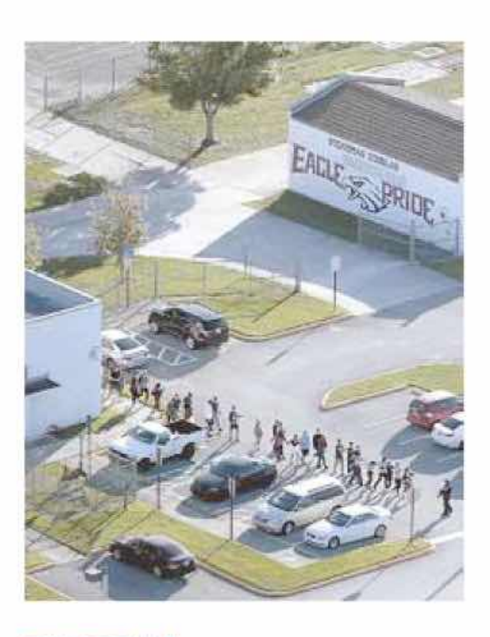

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ
Аба Ковнер: «Не пойдем как овцы на убой!» 29
Предисловие, перевод с иврита и литературная обработка Боруха Горина

ПРОВЕРЕНО ВРЕМЕНЕМ
Кто спас Израиль в 1947 году? 39
Мартин Крамер

ТРАНСЛЯЦИЯ
Fathom: Коммунисты против евреев: антисионистская кампания 1968 года в Польше 53
Саймон Гансингер

ПЕРЕКРЕСТОК 60

ТРАНСЛЯЦИЯ
Associated Press: «Скажи мне, что ты в порядке» 61
Джейсон Дирен
Bloomberg: Как Билли Грэм примирил Израиль с евангелистами 63
Зеэв Хафец
The New York Times: Пасхальные войны виноградных соков 66
Джозеф Бергер
ynet: Мода на кашрут 68
Офер Матан и Эли Мендельбаум

ЦИТАТА
71

ОБ ЭТОМ НАДО ПОГОВОРИТЬ
3.2018 72
Обзор подготовил Борис Мелакет

РЕЗОНАНС
Нетривиальные итоги марта с Лайелом Лейбовицем 78

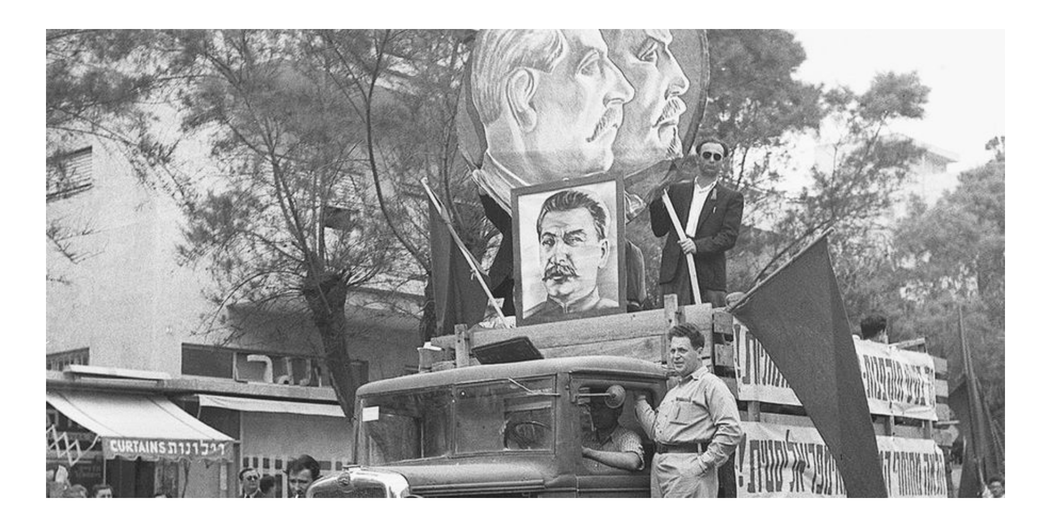
ПРОВЕРЕНО ВРЕМЕНЕМ

Кто спас Израиль в 1947 году?

МАРТИН КРАМЕР 18 АПРЕЛЯ 2018

Материал любезно предоставлен Mosaic

Обычно говорят, что Трумэн, но таким человеком легко мог бы быть и Сталин. На самом деле благодаря сионистской дипломатии они оба спасли Израиль; и в этом урок для сегодняшнего еврейского государства.

ГРУЗОВИК С ПОРТРЕТОМ СОВЕТСКИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ ЛЕНИНА И СТАЛИНА НА ПАРАДЕ В ЧЕСТЬ ДНЯ СОЛИДАРНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ В ТЕЛЬ-АВИВЕ 1 МАЯ 1949.

ПИНН ХАНС / ПРЕСС-ЦЕНТР ПРАВИТЕЛЬСТВА ИЗРАИЛЯ

29 ноября отмечалась 70-я годовщина принятия Генеральной ассамблеей ООН резолюции 181, в которой рекомендовалось разделить подмандатную Палестину на два отдельных государства — еврейское и арабское. В этот день 1947 года миллионы слушателей прильнули к радиоприемникам, ожидая результатов голосования. Исход голосования привел к спонтанным демонстрациям сионистов разных стран, потому что это было первое формальное международное признание еврейского государства.

В честь этой годовщины представительство Израиля в Организации Объединенных Наций восстановило в облике 1947 года зал в районе Флашинг-Медоус, где сейчас находится главный выставочный зал Музея Квинса, а в те годы проходили заседания Генеральной ассамблеи. Объявлено было о плане восстановить события голосования в присутствии нынешних послов стран-делегатов, которые проголосовали тогда «за».

Больше всего внимания привлекла позиция, которую выразили Соединенные Штаты. Вообще, о голосовании и его последствиях обычно рассказывают как о событии, главную роль в котором сыграла Америка. Посол Израиля в ООН Дани Данон обрисовал исторический контекст торжества:

С тех пор как президент Трумэн стал первым мировым лидером, признавшим еврейское государство, у Израиля не было лучшего друга, чем Соединенные Штаты Америки, а у США не было более преданного союзника, чем Государство Израиль.

По той же причине главным из выступавших в Нью-Йорке станет вице-президент США Майк Пенс. Похоже, мы снова и снова будем слышать, как Гарри Трумэн пошел наперекор своему Госдепартаменту (или же менее героически уступил еврейским избирателям) и сказал «да» в ноябре 1947 года, а затем немедленно признал Израиль, когда Давид Бен-Гурион провозгласил создание государства 14 мая 1948 года. И вновь нам расскажут о еврее Эдди Джейкобсоне, вместе с которым Трумэн держал галантерею в Канзас-Сити перед Великой депрессией и который воспользовался дружескими связями, чтобы устроить важнейшую встречу Трумэна с сионистским лидером Хаимом Вейцманом в марте 1948 года.

Детали этой истории полировались годами, в том числе и самим Трумэном. В 1953 году, когда Эдди Джейкобсон представил бывшего президента еврейской аудитории как человека, «который помог создать Государство Израиль», Трумэн усилил впечатление, сравнив себя с древним персидским правителем, который вернул евреев в Иерусалим из вавилонского изгнания: «Как это “помог создать”? Я Кир».

ПРЕЗИДЕНТ США ГАРРИ ТРУМЭН В ГАЛАНТЕРЕЙНОЙ ЛАВКЕ СВОЕГО СТАРИННОГО ПРИЯТЕЛЯ И ПАРТНЕРА ЭДДИ ДЖЕЙКОБСОНА. ИЮНЬ 1945

Историки действительно спорят по поводу мотивов, которыми руководствовался Трумэн. Но все они соглашаются в одном: Израиль обязан своим созданием Трумэну в большей степени, чем любому другому мировому лидеру. «Без Трумэна, — пишут Эллис и Рональд Радош в книге о Трумэне и Израиле, — юное Государство Израиль не пережило бы первых тяжелых лет и не добилось бы успеха впоследствии». Майкл Дж. Коэн, автор более ранней книги о Трумэне и Израиле, утверждает, что в 1947 и 1948 годах «Трумэн действительно сыграл решающую дипломатическую роль в рождении Государства Израиль». Майкл Орен в бестселлере «Сила, вера и фантазия» («Power, Faith, and Fantasy»), посвященном деятельности Америки на Ближнем Востоке, пишет, что, сравнивая себя с персидским царем Киром, Трумэн «хвастался не зря».

Проблема проста: все, что сказано о вкладе Трумэна, можно сказать и о вкладе Иосифа Сталина.

Сталин — отец-основатель Израиля?

В опубликованной в 1998 году статье, посвященной 50-летию Израиля, историк Пол Джонсон рассуждал о «парадоксальном аспекте сионистского чуда, которое мы тогда совершенно не уловили и которое до сих пор понимаем недостаточно». Этот парадокс, по мнению Джонсона, состоит в том, что «среди отцов-основателей Израиля был Иосиф Сталин». Двадцать лет спустя этот факт улавливают еще меньше людей. Советский Союз давным-давно рухнул, и в воспоминаниях Израиля и его сторонников он остался патроном Насера, тюремщиком и мучителем евреев и пропагандистом антисемитизма. Ни один советский лидер никогда не претендовал на мантию

Кира. Наоборот, начиная с 1950-х годов Советский Союз делал все возможное, чтобы стереть из официальной истории и арабской памяти тот факт, что он поддерживал создание Израиля.

Тем временем в Соединенных Штатах и в Израиле изгладился из памяти аналогичный обратный процесс — непостоянство *американской* поддержки при создании Израиля.

Да, в ноябре 1947 года США голосовали за раздел подмандатной Палестины, но в марте следующего года они заявили, что осуществить такой раздел невозможно, и предложили вместо него «временную» опеку ООН. Накануне официального выхода Великобритании из Израиля в мае ведущий американский дипломат все еще уговаривал израильских лидеров не провозглашать независимость.

Действительно, Трумэн немедленно признал Израиль (правда, *де-факто*, а не *де-юре*). Но перед этим он ввел эмбарго на поставку оружия на Ближний Восток, заставив Израиль бороться за выживание собственными силами.

Сталинский же Советский Союз, наоборот, не только проголосовал за раздел, но и стал первым государством, признавшим Израиль *де-юре* через три дня после провозглашения независимости, и выступил в поддержку еврейского государства задолго до Соединенных Штатов. Более того, он неукоснительно придерживался этой линии и до, и после голосования и косвенно гарантировал, что юное государство получит военную технику, в которое оно отчаянно нуждалось для самозащиты. По словам первого посла Израиля в ООН Абы Эбана, без советского голоса в защиту раздела (вместе с голосами четырех стран-сателлитов) и без оружия, предоставленного советским блоком, «мы бы с этим не справились ни с дипломатической, ни с военной точки зрения».

Можно спросить: даже если все это так, наверное, есть какая-то цель, которая заставляет возвращаться к этим событиям сегодня? Конечно, нельзя говорить о «реабилитации» сталинского Советского Союза. Хотя в современной России такого рода тенденция присутствует, за пределами страны мало кто питает иллюзии относительно жуткого наследия Сталина. Цель не может состоять и в преуменьшении значения американской поддержки для Израиля с 1967 года.

Моя задача иная — показать, как накануне, в процессе и после создания Государства Израиль его лидеры творчески осмысляли послевоенный геополитический порядок. Зная, что верных друзей у них нет, они угадали, что Советский Союз становится могущественной державой, и стали добиваться расположения Москвы. В награду за это они заручились советской поддержкой, которая позволила им сыграть на противоречиях холодной войны и добиться усиления поддержки со стороны США. Это был мастерский ход сионистской дипломатии.

Мотивы решения Сталина до сих пор неясны, и совершенно необязательно, что сионистские инициативы сыграли решающую роль в неожиданной позиции Советского Союза, имевшей далеко идущие последствия для еврейского государства. Но это вполне возможно. Сегодня, когда Израиль ищет свой путь в меняющемся мире, для которого характерно появление новых сил, может быть, на этот исторический урок полезно будет обратить внимание.

Все началось с забытой речи.

Забытая речь, которая поразила мир

Незадолго до полудня 14 мая 1947 года Андрей Громыко, постоянный представитель Советского Союза в Организации Объединенных Наций, поднялся на трибуну зала Генеральной ассамблеи ООН во Флашинг-Медоус в Квинсе.

В этот момент сионистами разных стран владели мрачные настроения. Они еще не оправились от потрясений Холокоста, фотографий из нацистских лагерей смерти и судеб сотен тысяч выживших, которые вышли из лагерей и лесов. Огромное большинство этих евреев мечтали уехать из Европы, и многие пускались в долгое путешествие к средиземноморским портам в стремлении добраться до Палестины. Четверть миллиона евреев находились в лагерях для перемещенных лиц в Германии и Австрии, надеясь, что их просьбы будут услышаны и им разрешат свободно уехать на еврейскую родину.

В Палестине благодаря проарабской политике Великобритании двери для еврейской иммиграции были закрыты так же плотно, как во время войны. Королевский флот перехватывал суда, направлявшиеся в Палестину с человеческим грузом из выживших евреев, и отправлял «нелегалов» в зловещие лагеря для интернированных на Кипре. Некоторые палестинские евреи в ответ на эти драконовские методы брались за оружие и восставали против англичан, запуская нескончаемый цикл убийств и наказаний. Другие пытались взывать к совести мирового сообщества — с весьма скромным успехом. Хотя ишув, организованное еврейское население Палестины, был готов к независимости, ни одна великая держава не высказалась в защиту еврейского государства.

В феврале 1947 года Британия объявила об окончании мандата и передаче палестинской проблемы в ведение ООН. В мае Генеральная ассамблея ООН начала создание специального органа —

Специального комитета ООН по Палестине (UNSCOP), задача которого состояла в «установлении фактов» и составлении рекомендаций по «решению палестинской проблемы».

На этом фоне 14 мая прозвучала речь Андрея Громыко, который вкратце обрисовал деятельность UNSCOP с советской точки зрения. Ни у кого из сионистов не было оснований многого ждать от этой речи. Советский Союз всегда объявлял сионизм реакционным, если не фашистским движением, орудием западного, прежде всего, британского империализма. С конца войны СССР придерживался позиции, что «еврейскую проблему» можно решить не перемещением евреев в Палестину, а только «полным искоренением всех ростков фашизма» в самой Европе. Коммунистические партии Ближнего Востока, в том числе в самой Палестине, осуждали идею раздела, называя ее империалистическим заговором. Партийная линия требовала «единой, демократической, независимой Палестины» — где численность арабов будет вдвое превышать численность евреев.

Тридцатисемилетний Громыко был уже опытным советским дипломатом, который ранее занимал пост посла в Вашингтоне. Британец, работавший в штате ООН, называл его «угрюмым и резким». Сионистские дипломаты и американские еврейские лидеры, хорошо знавшие его, не питали иллюзий в отношении этого «громовержца», как они его называли. Эбан вспоминал впоследствии, что «и Элияу Эпштейн, который возглавлял наш офис в Вашингтоне, и [Моше] Шарет [глава политического отдела Еврейского агентства] свободно говорили по-русски и неоднократно вели беседы с Громыко и его заместителем Семеном Царапкиным, и никаких намеков на советскую поддержку не звучало».

Американское правительство таких намеков тоже не делало. Госдепартамент, Комитет начальников штабов и ЦРУ постоянно предупреждали, что, если США проголосуют за раздел, СССР, выступив против, заслужит благодарность арабов, а в том, что Москва выступит против, никто не сомневался. Всего за четыре дня до речи Громыко американское посольство в Москве предупреждало, что на следующей сессии ООН Советский Союз будет противиться «образованию на всей или части территории Палестины еврейского государства, которое СССР будет рассматривать как сионистское орудие Запада, неизбежно враждебное Советскому Союзу» и настаивать на «независимости Палестины с нынешним, преимущественно арабским населением».

В начале речи Громыко не сказал ничего необычного. Британский мандат над Палестиной, подробно разъяснял он, не оправдал себя; по мере распространения насилия страна превратилась в «полувоенное и полицейское государство» . Мандат следует ликвидировать. Ничего удивительного: Советский Союз был настроен резко антибритански и, конечно, не собирался настаивать, чтобы Британия сохраняла аванпосты своей империи.

АНДРЕЙ ГРОМЫКО ВЫСТУПАЕТ С РЕЧЬЮ В ЗАЛЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН ВО ФЛАШИНГ-МЕДОУС В КВИНСЕ. 14 МАЯ 1947

Но затем, ко всеобщему удивлению, Громыко обратился к теме Холокоста. Еврейский народ, сказал он, «перенес в последней войне исключительные бедствия и страдания. Эти бедствия и страдания, без преувеличения, не поддаются описанию». Евреи «подверглись почти полному физическому истреблению». И теперь «сотни тысяч евреев бродят по разным странам Европы», многие из них находятся в лагерях для перемещенных лиц, где они «продолжают терпеть большие лишения… Пора не на словах, а на деле, — заявил Громыко, — оказать этим людям помощь… Это является долгом Объединенных Наций».

Что же нужно делать? Ранее позиция Советского Союза состояла в том, что решение судьбы этих сотен тысяч бездомных евреев должно быть найдено в Европе. Но теперь ситуация изменилась.

Ни одно государство в Западной Европе, — заявил Громыко, — *не оказалось в состоянии предоставить должную помощь еврейскому народу в защите его прав и самого его существования от насилий со стороны гитлеровцев и их союзников. Это тяжелый факт. Но, к сожалению, как и все факты, его необходимо признать… Это обстоятельство <…> объясняет стремление евреев к созданию своего государства.*

А затем как гром среди ясного неба:

Было бы несправедливо не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление такого стремления. Отрицание такого права за еврейским народом нельзя оправдать, особенно учитывая все то, что он пережил за Вторую мировую войну.

Советский Союз, отметил Громыко, предпочел бы «единое арабско-еврейское государство с равными правами для евреев и арабов». Но если комиссия ООН сочтет этот вариант «неосуществимым ввиду испортившихся отношений между евреями и арабами», существует «оправданная» альтернатива: «раздел Палестины на два самостоятельных независимых государства: еврейское и арабское».

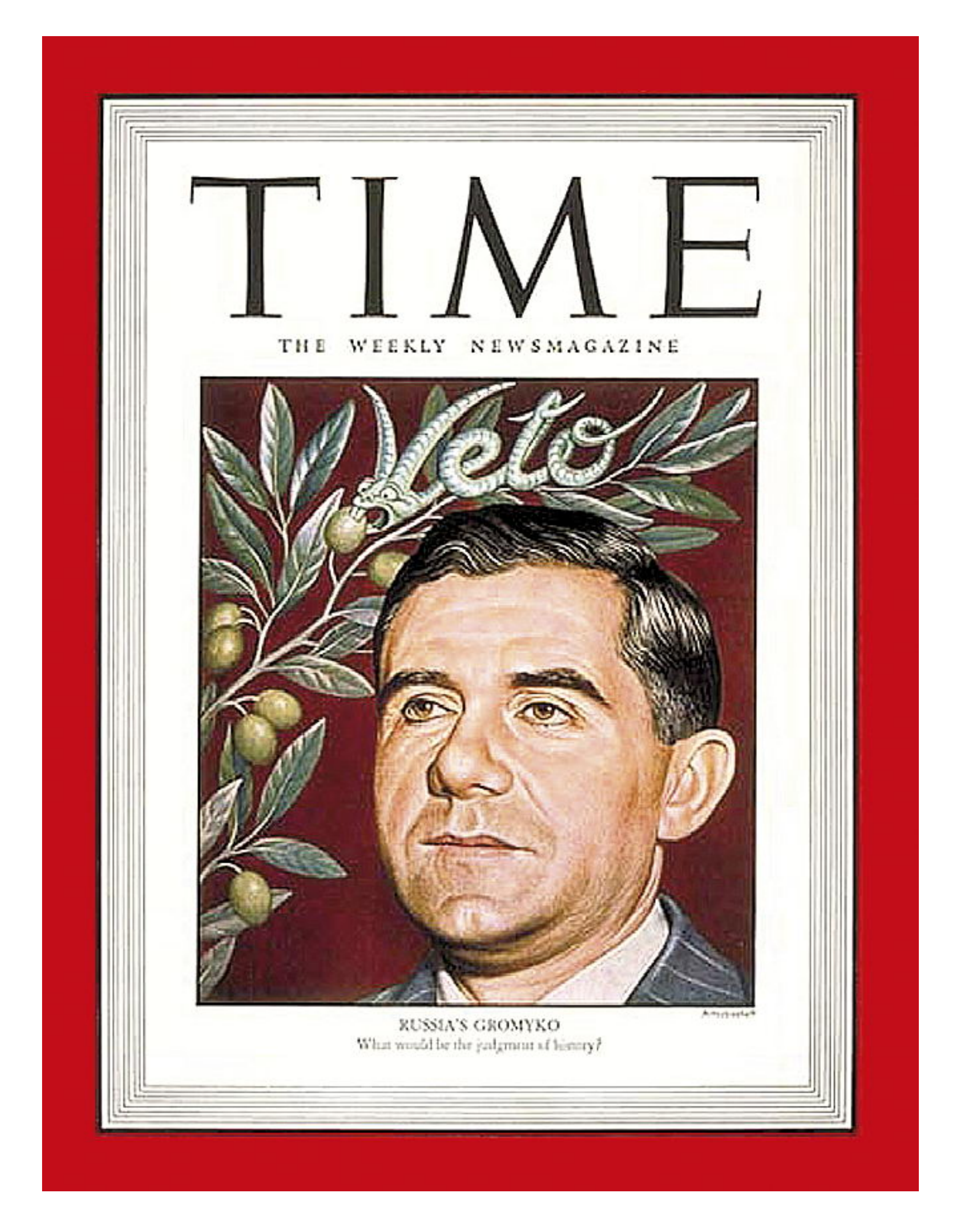
Эбан ушам своим не верил:

Ничто не предвещало такой неожиданной удачи… Москва изменила своей традиционной позиции и предложила создание еврейского государства. Я приехал в ООН с пессимистическими представлениями о балансе сил; теперь я пересмотрел прогнозы… Впервые на нашем политическом небосклоне появился луч надежды. Теперь чтобы предрекать успех сионизма, не нужно было быть романтическим оптимистом. Громыко стал сионистским героем.

Новости привели ишув в большое возбуждение. «Палестина в восторге от советской позиции», — кричал заголовок «Нью-Йорк таймс». Крупнейший ивритский поэт ишува Натан Альтерман опубликовал стихотворение «Телеграмма Громыко». Вот отрывок из него:

Слов нет.
Ишув в изумлении.

Поймите: долгое время
мы были лишены новостей
со вкусом манны…
Это здоровое, теплое, доброе чувство
пловца, борющегося с волнами,
которому с берега вдруг бросили спасательный круг.

ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА TIME. 18 АВГУСТА 1947

Давид Бен-Гурион вскоре встретился с Громыко в Нью-Йорке. После этого, стараясь не преувеличивать значение речи, он заявил, что получил от Громыко «дополнительные разъяснения», которые были «позитивными» и «нимало не уменьшили впечатления», произведенного речью в ООН, которая имела «моральную и политическую ценность».

Эволюция советской поддержки

Как оказалось, осторожность Бен-Гуриона была излишней. В течение следующих двух лет Советский Союз показал себя самым последовательным сторонником еврейского «государства в пути», а затем Израиля из числа великих держав. В эволюции советской поддержки можно выделить не менее пяти крупных событий.

(1) Когда UNSCOP в сентябре 1947 года внес рекомендацию о разделе, Советский Союз тут же поддержал ее. 26 ноября в ходе общих дебатов перед историческим голосованием Громыко немедленно встал на сторону сионистов, назвав «неприемлемым» возражение арабов, будто бы раздел является «исторической несправедливостью»:

…хотя бы уже потому, что еврейский народ был связан с Палестиной на протяжении длительного исторического периода времени. Кроме того, мы не можем упускать из виду <…> положение, в котором очутился еврейский народ в результате последней мировой войны… Решение вопроса о Палестине на основе разделения ее на два самостоятельных государства будет иметь большое историческое значение, так как такое решение будет идти навстречу законным требованиям еврейского народа, сотни тысяч представителей которого, как вы знаете, все еще являются бездомными, не имеющими своих очагов, нашедшими лишь временный приют в специальных лагерях на территориях некоторых западноевропейских государств.

Советский Союз проголосовал за раздел вместе со своими сателлитами Белоруссией, Украиной, Польшей и Чехословакией. (Еще один сателлит, Югославия, воздержался.)

(2) В марте 1948 года, когда Соединенные Штаты отошли от идеи раздела, Советский Союз твердо стоял на своих позициях и выступил резко против альтернативного предложения США об опеке ООН. 20 апреля, когда Британский мандат доживал последние дни, Громыко осудил идею опеки, которая поставит Палестину «в положение колониального рабства» . Только раздел на независимые государства «удовлетворил бы <…> законные устремления еврейского народа, столь сильно пострадавшего за время существования гитлеровского режима». Если вопрос об опеке будет поставлен на голосование, предупредил Громыко, Советский Союз проголосует против.

(3) Также в начале 1948 года Советский Союз хоть и не посылал собственного оборудования, не препятствовал заключению важнейшей сделки о поставке оружия Израилю из Чехословакии, которая обеспечивала Израилю преимущество в войне с палестинскими арабами, а в близости этой войны никто не сомневался. Чехи руководствовались практическими мотивами: им нужна была иностранная валюта. Но сделка зависела от согласия СССР (и по некоторым данным, от личного разрешения Сталина).

Поставки оружия позволили обеспечить каждого израильского новобранца собственным оружием и достаточным количеством боеприпасов. Оружие прибыло в самый последний момент, позволив «Хагане» продолжить наступление на пути к независимости («План Далет»).

«Они спасли страну, в этом я не сомневаюсь, — говорил Бен-Гурион два десятилетия спустя. — Чешское оружие очень помогло нам, оно спасло нас, и я сильно сомневаюсь, что без него мы бы пережили первый месяц». Голда Меир в своих мемуарах тоже вспоминала, что без оружия из Восточного блока «кто знает, устояли бы мы <…> в черные дни начала войны, пока положение не переменилось в июне 1948 года?»

(4) В июне 1948 года, когда Израиль начал одерживать победы, СССР поддерживал большинство важных возражений Израиля против плана устройства, который продвигал посредник ООН граф Фольке Бернадот. В ответ на предложение Бернадота передать Трансиордании весь Негев министр иностранных дел В. М. Молотов сообщал Сталину, что этот план отдаст четыре пятых территории Израиля в руки Трансиордании — «т. е. под британский контроль» — и должен быть отвергнут. («Тов. Сталин согласен», — приписал к документу Молотов.)

(5) СССР также поддерживал Израиль по вопросу о палестинских беженцах. Вопреки предложению Бернадота дать этим арабам право вернуться на территорию еврейского государства, Советский Союз считал, что «евреям должна быть предоставлена возможность достичь соглашения с арабами по этому вопросу в ходе мирных переговоров». В самом конце войны, в декабре 1948 года, Советский Союз и его сателлиты проголосовали против резолюции 194 Генеральной ассамблеи, которая впоследствии стала считаться основанием «права на возвращение» палестинских арабских беженцев. (Соединенные Штаты голосовали «за».)

В целом Израиль вряд ли мог надеяться на большее. В октябре 1948 года Шарет докладывал израильскому кабинету министров, что «Восточный блок твердо нас поддерживает <…> В Совете Безопасности русские работают не просто как наши союзники, а даже как наши эмиссары» . Эбан отмечал, что в эти «два-три года» Советский Союз «проявил больше постоянства в поддержке Израиля, чем даже Соединенные Штаты. Не было ни сомнений, ни колебаний». Более того, СССР постоянно «резко выступал против арабов». По мнению Эбана, это объяснялось советским политическим стилем, принципиально отличающимся от американского:

Тогда и позднее Советский Союз был либо за вас, либо против вас. Если он был за вас, то на 100 процентов; если он был против вас — то на 100 процентов. У Соединенных Штатов всегда были разнообразные цели, и они пытались сочетать эти цели в единую политику. Поэтому они никогда не были на 100 процентов за вас или на 100 процентов против вас. Никто не мог полностью доверять им, и никто не мог полностью отчаяться в них.

Зачем Сталин делал это

Зачем Сталин делал это? Этот вопрос волновал историков 70 лет. С момента падения Советского Союза исследователи изучили и опубликовали сотни советских документов, связанных с ранним периодом советско-израильских отношений. К этим документам относятся политические рекомендации, поданные Сталину, и распоряжения советского Министерства иностранных дел, отправленные дипломатам, но нет ни одного документа, отражающего собственную позицию Сталина.

Поскольку внезапная перемена позиции вызывает недоверие, некоторые сомневались в том, что Сталин вообще сильно задумывался об этом. Так считал историк Вальтер Лакер. Через десять лет после описываемых событий Лакер выражал

определенное сомнение в том, что решение о поддержке образования еврейского государства было принято на высшем уровне; в свете последующего развития событий можно, по крайней мере, предположить, что действия Советского Союза предлагались какими-то советниками Министерства иностранных дел, а Сталин рассеянно одобрял их.

Да, это возможно — но судя по советским документам, маловероятно. В июле 1947 года первый секретарь советского посольства в Вашингтоне утверждал, что «только после тщательного исчерпывающего анализа ситуации в Палестине Громыко был уполномочен выступить с заявлением» . В тот период, когда проводился анализ на высшем уровне, почти все советники Сталина по международным делам высказывались против раздела (как и советники Трумэна). Их общее мнение состояло в том, что поддержка еврейского государства вызовет «неблагоприятную реакцию» в арабском мире.

Только Сталин мог пойти поперек общего мнения. Подобного рода поворот официальной политики, утверждает специалист по истории холодной войны Владислав Зубок, «был немыслим без персонального решения Сталина <…> [Это был] риск, на который мог пойти только сам Сталин». И действительно, всем остальным слишком опасно было бы предлагать поддержать сионистский проект еврейского государства. Молотов, который в то время занимал пост министра иностранных дел и члена Политбюро, вспоминал позднее, что, когда возникла идея еврейского государства, «кроме нас, все были против. Кроме меня и Сталина» .

Так все же почему Сталин принял именно такое решение? Идею о каких бы то ни было филосемитских чувствах не рассматривал всерьез ни один историк. В Ялте в феврале 1945 года Сталин в разговоре с президентом Франклином Д. Рузвельтом называл евреев «перекупщиками, спекулянтами и паразитами». Нет свидетельств о том, что он изменил это мнение, разве что в худшую сторону. Дальше всего в своих оценках зашел Бенни Моррис , который полагал, что Советский Союз помимо соображений Realpolitik руководствовался мыслью «об ужасах Холокоста и чувством товарищества по отношению к другим пострадавшим от рук нацистов». Бернарда Льюиса подобная позиция не убеждает: «Трудно поверить, что таким человеком, как Сталин, истребившим бессчетные миллионы людей в собственных концлагерях, двигало сочувствие судьбе уцелевших жертв Гитлера».

В Америке в те годы господствовало мнение, что Сталин просто хотел посеять сумятицу. Раздел приведет к войне, которой независимо от ее исхода СССР может каким-то образом воспользоваться. Так, второй номер в американском представительстве в ООН интересовался, «хотят ли русские раздела или же они стремятся к хаосу в Палестине». Ведущий специалист по Советскому Союзу в Госдепартаменте Джордж Кеннан назвал раздел «благоприятным для советской задачи сеять разлад и разногласия среди некоммунистических стран».

ВО ВРЕМЯ ЗАСЕДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ. В ТРЕТЬЕМ РЯДУ СПРАВА НАЛЕВО МОШЕ ШАРЕТ, АБА СИЛЬВЕР, ГОЛДА МЕИР, ТРЕТИЙ ОТ НЕЕ АНДРЕЙ ГРОМЫКО. МАРТ 1948

Правда, остается неясным, каким именно образом это разногласие могло бы послужить советским интересам. Вплоть до речи Громыко в мае 1947 года (а в некоторых случаях и позже) все правительственные агентства США, связанные с этим вопросом, утверждали, что СССР выступит *против* раздела, чтобы добиться расположения арабов, и Америке придется заплатить высокую цену за *поддержку* этого проекта, утратив арабские симпатии. Поэтому неудивительно, что американцев сбил с толку советский шаг, казавшийся им чрезвычайно нелогичным.

Дин Раск, глава отдела ООН в Госдепартаменте, признавал, что был «озадачен новой просионистской политикой [СССР]». Заместитель Госсекретаря Роберт Ловетт говорил, что «удивлен». Кеннан тоже не мог вообразить ничего подобного: «Невозможно сказать, каким именно образом СССР попытается обратить раздел в свою пользу». («Следует признать, однако, — оговаривался он, — что Москва предпримет все усилия, чтобы найти способ воспользоваться этим шансом».)

Большинство проницательных специалистов в области советской политики полагали тогда и полагают сейчас, что у Сталина есть вполне конкретный и убедительный мотив. К 1947 году холодная война уже начинала проникать в Средиземноморье и на Ближний Восток через Грецию, Турцию и Иран. Сталин мог прийти к выводу, что вопрос о еврейском государстве может стать эффективным рычагом, чтобы удалить Британию из самого сердца этого региона. Британцы могут и дальше контролировать под своей властью арабов Трансиордании и Ирака и крепко удерживать Египет. Но еврейское государство полностью выдавит британцев из Палестины. Правда, такая политика имеет свою цену: (немногочисленные) арабские коммунистические партии будут разочарованы. Но это ничтожная цена за то, чтобы гарантировать позорное изгнание Британии с одной из самых важных ее баз на Ближнем Востоке.

Крупнейшему сионистскому дипломату Элияу Сассону, который был специалистом по арабской политике, это было ясно уже в июне 1946 года. Со своей выгодной позиции он наблюдал, что по всему Ближнему Востоку Советский Союз противостоит Британии. Он пришел к пророческому выводу:

Нам не только не следует опасаться, что русские займут враждебную нам позицию, но напротив — существуют серьезные основания полагать, что позиция СССР окажется дружественной не потому, что они симпатизируют нам или ненавидят арабов, а исходя из необходимости свести политические счеты с англичанами.

Антибританские соображения фигурируют и в некоторых советских политических документах, и в ретроспективе все представляется абсолютно логичным. Но поскольку из уст лично Сталина ничего не исходило, загадка остается. Молотов не прояснил ситуацию в 1972 году, когда пытался дать спутанное объяснение своим действиям:

Одно дело быть против сионизма — это осталось неизменным в политике, против буржуазного направления, а другое дело — против народа еврейского… А евреи, они давно боролись за свое государство, под сионистским флагом, и мы, конечно, были против. Но если народу отказать в этом, значит, мы их давим .

Парадокс: Государство Израиль возникло благодаря важнейшей поддержке режима, который продолжал себя считать «против сионизма», «конечно».

Сионисты обхаживают Россию

Еще один ключевой элемент, отмеченный мною выше, поможет нам дополнить картину. Поддержка Советским Союзом идеи раздела и образования Израиля обычно считается «неожиданной удачей» (по выражению Эбана), заставшей сионистов врасплох. Но в течение нескольких лет до речи Громыко сами сионистские лидеры прикладывали огромные усилия, чтобы добиться этой поддержки. Конечно, в 1947 году они удивились, но кое-кто из них поверил, что их многолетние усилия наконец-то начали приносить плоды.

Главными героями этой саги были Вейцман и Бен-Гурион. Но в самом центре стоит человек, имя которого почти забыто в истории Израиля, — Иван Михайлович Майский.

С 1932 по 1943 год Майский был послом Сталина при Сент-Джеймсском дворе. Выходец из семьи польских евреев, он с юности присоединился к революции и провел Первую мировую войну в изгнании в Англии. Вернувшись в Россию после революции 1917 года, он вступил в партию большевиков и использовал свое обаяние на дипломатической службе.

Отправленный обратно в Лондон, Майский подружился с ведущими представителями британской политической и интеллектуальной элиты, от Невилла Чемберлена и Уинстона Черчилля до Джорджа Бернарда Шоу и Беатрисы Вебб . Современные историки благодарны Майскому за подробнейший дневник, из которого видно, как он лавировал в переменчивых политических водах и искусно поддерживал советско-британские отношения на протяжении большей части войны.

На него обратил внимание Хаим Вейцман, который руководил сионистской дипломатией из Лондона. Во время предыдущей мировой войны Вейцман предвидел падение Османской империи, сделал ставку на Британию и много сделал для появления Декларации Бальфура. К 1941 году престарелый сионистский деятель, президент Всемирной Сионистской организации страдал от того, что Британия нарушила свое обещание упростить создание еврейского национального очага в Палестине. Теперь казалось, что новая мировая война сокрушит Британскую империю, открыв новые возможности для Ближнего Востока. Кто заполнит образовавшийся вакуум? На кого могут рассчитывать сионисты?

Вейцман не питал никаких иллюзий по поводу Сталина. Помимо известного перечня предательств, совершенных советским диктатором, у Вейцмана были собственные основания знать о его жестокости. Хотя большинство братьев и сестер Вейцмана уехали из России до 1917 года, младший брат Самуил вернулся, чтобы строить новое общество, и сгинул во время Большого террора конца 1930-х годов.

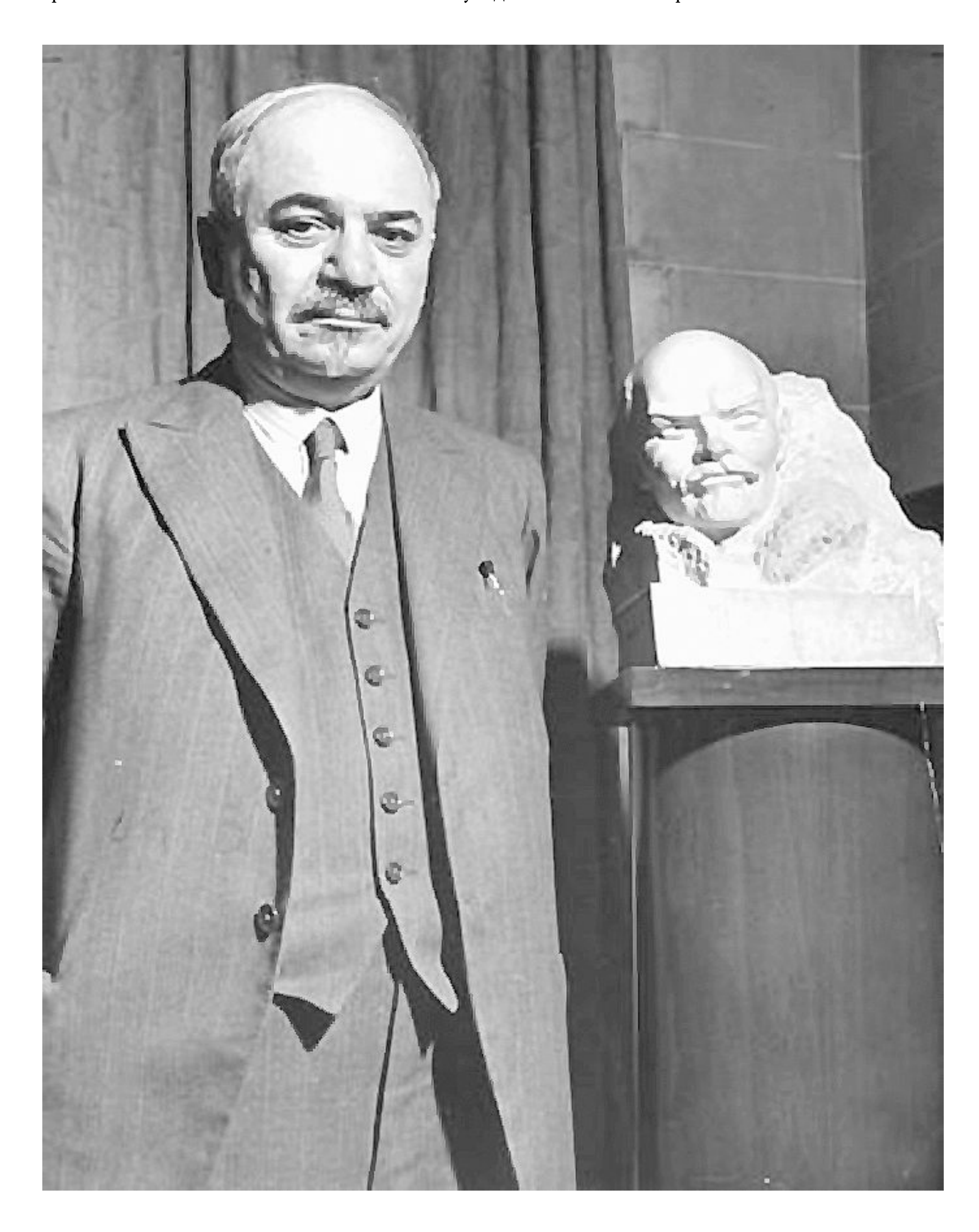
Несмотря на это, Вейцман полагал, что при определенных обстоятельствах Сталин может выразить готовность помочь сионистскому делу, — а Иван Майский был самым близким к Сталину человеком в Лондоне. «На днях у меня был неожиданный гость, — записал Майский в дневнике в феврале 1941 года, — известный лидер сионизма доктор Вейцман». Майского поразило достоинство, с которым держался этот «высокий, немолодой, элегантно одетый джентльмен», который «прекрасно говорит по-русски» и у которого «спокойная, медлительная речь» .

В разговоре этот человек, которому евреи были обязаны Декларацией Бальфура, высказал мнение о скором прекращении союза между британцами и сионистами. Англичане, считал он, «не любят евреев» и «предпочитают арабов евреям». Они вряд ли пойдут на то, чтобы поселить в Палестине «4-5 млн евреев из Польши и других стран». Вейцман поставил вопрос ребром: «Что может сулить евреям британская победа?» Подразумевался ответ: когда война закончится, сионисты заявят об окончательном разводе с Британией и будут открыты для новых отношений.

Так начались обхаживания Майского — совместный проект Вейцмана и Бен-Гуриона. Они состояли в инициативах и меморандумах, в которых сионистские лидеры развивали поставленные темы:

евреи ведут решительную борьбу за свободу, еврейское государство будет нейтральным, а арабы — либо британские агенты, либо коллаборационисты, сотрудничающие с нацистской Германией.

В числе прочего двое лидеров стремились убедить Майского, что Палестина — единственное решение для отчаявшихся евреев Европы. В течение всего периода мандата критики сионизма заявляли, что страна не может принять достаточно евреев, чтобы решить европейский еврейский вопрос. Сионисты особенно активно пытались убедить Майского в обратном.

СОВЕТСКИЙ ПОСОЛ ПРИ СЕНТ-ДЖЕЙМССКОМ ДВОРЦЕ
ИВАН МАЙСКИЙ

Поэтому, когда на первой их встрече Майский «выразил удивление, как это на территорию, занимаемую миллионом арабов, Вейцман собирается привезти 5 млн евреев», Вейцман ответил, что араб — «отец пустыни <…> Дайте мне землю, занимаемую миллионом арабов, и я прекрасно устрою на ней пятикратное число евреев». На второй встрече, состоявшейся в сентябре 1943 года, Майский повторил свои сомнения относительно «малых размеров» Палестины, на что Вейцман ответил ссылками на отчет известного американского инженера, специалиста по ирригации, Уолтера Клея Лаудермилка, по оценкам которого страна может вместить еще 4 млн еврейских беженцев из Европы. Через месяц Майский обсуждал тот же вопрос с Бен-Гурионом: «Мы хотим знать правду, какова вместимость Палестины?» Ответ Бен-Гуриона был скромнее, он говорил о 2 млн евреев и через несколько дней предоставил Майскому соответствующий меморандум.

Оба сионистских лидера заверили Майского, что социально-экономическое устройство ишува не только сравнимо с коммунизмом, но даже напоминает его. Кибуцы, подчеркивал Бен-Гурион в октябре 1941 года, хотя и близки к коммунизму идеологически, «с экономической точки зрения <…> являются коммунистическими». Палестина представляет собой очаг «единственного

организованного рабочего движения на всем Ближнем Востоке» и «ядром социалистического содружества».

В марте 1943 года Вейцман направил Майскому меморандум, содержавший такой хитрый льстивый пассаж:

Три фундаментальных аспекта советской социальной философии воплотились в национальной системе, выстроенной в Палестине сионистским движением: коллективное социальное обеспечение и отсутствие индивидуальной выгоды представляют собой руководящий принцип и цель экономической структуры; в обществе существует равенство положения между работниками ручного и интеллектуального труда; тем самым обеспечивается максимальный простор для интеллектуальной жизни и трудового развития. Нет фундаментальных психологических преград для взаимопонимания, и сионистское движение никогда не испытывало антагонизма к советской социальной философии.

Война продолжалась, и когда советские войска начали оттеснять немцев обратно в Европу, сионистские лидеры увидели, что их усилия начинают окупаться. В сентябре 1943 года, когда Майский собирался уехать из Лондона в Москву для участия в планировании послевоенного устройства мира, Вейцман встретился с ним в последний раз. Сионисты, сказал Вейцман, «питают дружеские чувства к России и надеются, что советское правительство поймет их цели». Майский ответил, что «он не может давать обязательств от имени своего правительства, но полагает, что СССР поддержит их <…> Он думает, что Россия обязательно выступит на их стороне», — первый намек на тот драматический взрыв, который произвела речь Громыко в ООН три с половиной года спустя (или предчувствие этого взрыва).

Путь Майского в Москву лежал через Ближний Восток, и в октябре он посетил Палестину. Теперь он уже по собственной инициативе встретился с Бен-Гурионом, который повез его и его жену в два кибуца неподалеку от Иерусалима. Майский вел себя так, как будто он находится в официальной поездке для выяснения фактов, проявил большой интерес к общинной жизни кибуца и даже сфотографировался вместе с Бен-Гурионом и Голдой Меир.

Вернувшись в Иерусалим, Майский сказал Бен-Гуриону, что «после войны встанет серьезный еврейский вопрос и его нужно будет решать; нам нужно будет выразить свое мнение, так что мы должны знать». Бен-Гурион с трудом поверил в такой поворот событий. «Все это стало для меня большим сюрпризом, — сообщал он коллегам. — Это как откровение. Мне трудно поверить в это. Это накладывает на нас обязательства — еще одна страна, которая проявляет интерес к этому вопросу».

Майский составил меморандум о своем визите в Палестину. Этот меморандум не видел ни один историк, поэтому он остается предметом бесконечных спекуляций — и хотя подробности неизвестны, суть его вполне ясна. Тогдашний нарком иностранных дел Украины сказал, что доклад «полон восхищением перед удивительными прогрессивными достижениями евреев в Палестине» . Лидер британских социалистов Гарольд Ласки в 1944 году говорил Бен-Гуриону: «Я читал секретный отчет Майского и стал сионистом».

Произвел ли меморандум аналогичный эффект в Москве? Историк Габриэль Городецкий, переводчик и издатель дневников Майского, опровергает предположение, что усилия сионистов по привлечению симпатий Майского стали решающим фактором. Майский «обманул» Бен-Гуриона, позволив тому предположить, что он обладает решающим влиянием на советскую внешнюю политику. Хотя он и подготовил для Сталина «хвалебный доклад», сам он к тому времени уже утратил свои позиции. По возвращении Майского в Москву в 1943 году, пишет Городецкий, «двери Кремля наглухо закрылись перед ним». Хотя он продолжал консультировать Сталина на Ялтинской и Потсдамской конференциях, к концу 1945 года он потерял все посты в министерстве. Сионистские лидеры только воображали, что их заигрывания с Майским имели какое-то отношение к решению Сталина.

В определенном смысле так оно и есть: Сталин принял решение более чем через три года после доклада Майского, в контексте холодной войны. Но сами по себе контакты сионистов с Майским представляли собой только одну грань более широкой кампании, предпринятой целым рядом сионистских дипломатов (в том числе Шаретом, Эпштейном и Нахумом Гольдманом) в советских миссиях от Вашингтона до Анкары. Эта кампания продолжалась вплоть до речи Громыко.

Сионистские государственные деятели, участвовавшие в ней, не были наивны и не страдали от недостатка информации о происходящем в Советском Союзе. В частности, глубокими и обширными познаниями о ситуации в СССР обладал Бен-Гурион. Еще молодым активным деятелем социалистического движения он провел там три месяца в 1923 году и впоследствии свидетельствовал, что «мы [сионисты] всегда выражали любовь к великой революции в России». Но в 1928 году советские власти запретили даже самые социалистические формы сионизма,

и Бен-Гурион сказал, что все стало видно «в истинном свете». Он прекрасно понимал, что примирение с Москвой «не станет результатом кибуцного движения <…> или перевода Ленина или Сталина на иврит».

И все же он и его коллеги знали также, что говорить, чтобы казалось, что поддержка еврейского государства соответствует если не советской идеологии и пропаганде, то, по крайней мере, интересам СССР (и умели сказать это по-русски). И в момент принятия решения так оно и оказалось. В июле 1947 года второй секретарь советского посольства в Вашингтоне сказал Эпштейну, что в Советском Союзе прекрасно знают, «что наши опыты по созданию коллективных хозяйств не имеют ничего общего с марксистским толкованием принципов коллективизма» . Но, добавил он, похоже, что ишув представляет собой «миролюбивое, демократическое и прогрессивное общество <…> которое сможет воспрепятствовать распространению антисоветских настроений, которые так легко возникают в реакционных правящих кругах в арабских странах в настоящее время».

Могла ли подобная трансформация советских взглядов произойти без многолетних усилий сионистской дипломатии? И произошла бы она вовремя? Историки могут спорить на эту тему. Но у сионистов сомнений не было: каким-то образом им удалось склонить чашу весов на свою сторону.

Почему Советский Союз отвернулся от Израиля?

Описывая поддержку, оказанную Советским Союзом сионистскому движению, Вальтер Лакер писал, что «без него у них не было бы шансов». И все же эта поддержка так и не стала основанием для долгосрочного союза. Уже к 1949 году между Советским Союзом и Израилем начались конфликты. Что же произошло?

Если верно, что задача СССР состояла в том, чтобы выдавить с Ближнего Востока Британию, то к 1949 году эта цель уже была достигнута. Израиль одержал решающую военную победу и даже завоевал Негев, который Британия надеялась сохранить в качестве моста между Египтом и Трансиорданией. Окончательный уход Британии с Ближнего Востока займет еще десятилетие, но отступление началось уже с момента создания Израиля. Что касается стратегических задач СССР, то здесь «миссия была выполнена».

Но СССР не просто прекратил поддержку; он стал проявлять открытую враждебность. Маятник качнулся в обратную сторону в силу целого ряда факторов, включая усиливавшуюся по всем направлениям паранойю Сталина. Существовала и внутренняя проблема, в которой оказались замешаны советские евреи.

Во время войны сионистские лидеры гарантировали советским властям, что инициированное ими движение за возвращение не коснется евреев СССР. «О них [советских евреях] я не беспокоюсь», — сказал Вейцман Майскому на первой встрече.

Ничто им не угрожает. Пройдет 20–30 лет, и, если в вашей стране сохранится нынешний режим, они ассимилируются <…> Советские евреи постепенно войдут как неотъемлемая составная часть в общее русло русской жизни. Мне это, может, не нравится, но я готов с этим мириться: по крайней мере, советские евреи стоят на дороге, и судьба их не заставляет меня содрогаться.

Но когда в 1947 году Громыко объявил о повороте в советской внешней политике, советских евреев охватила волна эйфории. Повсюду, от синагог до трудовых лагерей, евреи открыто выражали сионистские чаяния. Эта лихорадка только усилилась после принятия резолюции о разделе, провозглашения государства и, наконец, прибытия в сентябре 1948 года Голды Меир в качестве первого посла Израиля. В первую субботу ее пребывания в Москве десятки тысяч евреев заполнили улицы вокруг главной городской синагоги. То же самое повторилось в Рош а-Шана и Йом Кипур. Меир в своих мемуарах ярко описывает эту сцену:

Нас ожидала пятидесятитысячная толпа. В первую минуту я не могла понять, что происходит и даже кто они такие. Но потом я поняла. Они пришли — добрые, храбрые евреи, — пришли, чтобы быть с нами, пришли продемонстрировать свое чувство принадлежности и отпраздновать создание Государства Израиль… Кто-то втолкнул меня в такси. Но такси тоже не могло сдвинуться с места — его поглотила толпа ликующих, смеющихся, плачущих евреев… Только и сумела я пробормотать не своим голосом одну фразу на идише: «А данк айх вос ир зайт геблибен иден!» («Спасибо вам, что вы остались евреями!») .

ГОЛДА МЕИР В КАЧЕСТВЕ ПОСЛА ИЗРАИЛЯ В МОСКВЕ, ВОЗЛЕ МОСКОВСКОЙ ХОРАЛЬНОЙ СИНАГОГИ. 4 ОКТЯБРЯ 1948

Все это было очень трогательно. Но Мордехай Намир, первый секретарь израильской дипломатической миссии, вспоминал, что спонтанная демонстрация вызвала «нехорошее предчувствие, поскольку существовали подозрения, что столь откровенное поведение общины перешло принятые границы *<…>* и мы участвовали в весьма трагическом событии».

Дальнейшее подтвердило его опасения. В своей речи Громыко указывал, что «ни одно государство в *Западной* Европе» не гарантировало евреям элементарных прав (курсив мой. —* М. К.*). Имелось в виду, что права советских евреев ничем не ущемлены; теперь, когда они явно демонстрировали обратное, взывая к Израилю как к своему спасителю, власти оказались застигнуты врасплох. С каждым месяцем они испытывали все большее беспокойство по поводу распространения сионистских настроений внутри страны.

Итак, у Сталина были самые веские причины для беспокойства по поводу влияния его собственной политики на два с половиной миллиона советских евреев, которые после Холокоста составляли самое многочисленное еврейское население Европы. Десятилетия репрессий внезапно были забыты, и начался этнический и национальный подъем, который, в свою очередь, потребовал еще более жестоких репрессивных мер. Уже к концу 1948 года началось явление, которое один историк назвал «тайным погромом», направленным против известных евреев, обвиненных в сионистском заговоре.

Последовавшие гонения начала 1950-х годов, от показательного процесса и казни в Праге Рудольфа Сланского и других высокопоставленных членов Коммунистической партии Чехословакии до московского «дела врачей», говорят сами за себя. Достаточно отметить, что в Советском Союзе и в странах, находившихся под его влиянием, внутренний антисемитизм и враждебность к Израилю стали неотделимы друг от друга.

Сионисты предпочитают Запад

Не только Сталин осуждал сионизм и ненавидел евреев. Крупнейшие сионистские лидеры, в свою очередь, тоже не особенно высоко ценили Сталина или Советский Союз. Их предпочтения лежали на Западе.

Это, правда, не касается крайне левых сионистских группировок, которые в 1948 году объединились в израильскую партию МАПАМ. До пражских процессов 1952 года большинство ее членов, многие из которых играли важные роли в военной структуре ишува, высоко ценили Советский Союз. Портреты Сталина украшали столовые некоторых кибуцев, а КГБ успешно вербовал агентов из числа руководителей МАПАМ. Но просоветски настроенные левые даже в период максимального

успеха не собирали более 15% голосов — таков был их результат на первых израильских выборах 1949 года, — и после этого переживали неуклонный упадок.

Верно также и то, что во время максимальной советской поддержки волна благодарности охватила весь ишув. Особенно интересное свидетельство оставил венгерский писатель еврейского происхождения Артур Кёстлер, который провел в Израиле большую часть 1948 года. Бывший коммунист, агент Коминтерна во время Гражданской войны в Испании, Кёстлер получил известность благодаря написанному в 1940 году роману «Слепящая тьма». Действие книги разворачивается в 1938 году, в самый разгар Большого террора, и содержит обвинения в адрес Сталина.

В репортаже, написанном в Израиле в июне 1948 года, Кёстлер отмечал, что «вашего корреспондента трудно заподозрить в сталинизме» (и это еще мягко сказано):

И все же если бы он вынес то, что вынесли люди здесь за последние шесть месяцев, когда одна ведущая западная демократия [Великобритания] вела против них почти неприкрытую войну, а вторая [Соединенные Штаты] наблюдала за этим, психологическое давление обстоятельств, возможно, заставило бы даже его симпатизировать [коммунистической России] <…> Почти еженедельные колебания американской политики, парадоксальное сохранение эмбарго на экспорт оружия, лишающее Израиль возможности защитить себя, притом что Америка признала существование Израиля, усиливают общее чувство горечи и разочарования Западом.

Кёстлер был свидетелем «спонтанного всплеска симпатии и благодарности» по отношению к Советскому Союзу среди израильтян. Тем не менее он считал, что этот «эмоциональный перекос» скоро пройдет. Большинство евреев Палестины, в том числе в Рабочей партии, к которой принадлежал Бен-Гурион,

осознавали, что жест России служит исключительно ее собственным политическим целям. Они хорошо помнили, что в России 30 лет преследовали сионизм, объявляя его фашистским движением. Внезапный и радикальный поворот советской политики <…> представляет собой слишком очевидный маневр, чтобы обмануть их.

Для Кёстлера было совершенно очевидно, что основная часть сионистов отдает предпочтение Западу; внезапная симпатия к СССР возникла только из-за противоречивого поведения Запада.

Однако эта симпатия подкрепляла подозрения американских противников сионизма, сидевших в Госдепартаменте, ЦРУ и Пентагоне, которые утверждали, что еврейское государство станет сателлитом СССР и под видом еврейских беженцев его наводнят советские агенты. Сионистские лидеры постоянно опровергали это обвинение. Первым из них был Вейцман, который накануне голосования по разделу отправил письмо Трумэну. Вейцман призывал президента не верить тем, кто предсказывает, «будто наш проект в Палестине каким-то образом может быть использован в качестве канала для инфильтрации коммунистических идей на Ближний Восток»:

Ничто не может быть дальше от истины. Наши иммигранты из Восточной Европы — это именно те, кто покидает коммунистические страны, с которыми они не желают иметь ничего общего. Иначе они не стали бы покидать их. Если бы Советский Союз всерьез предпринял попытку распространить через иммигрантов коммунистическое влияние, он легко мог бы это сделать в предшествующие десятилетия. Каждые выборы и все исследования, проводившиеся в Палестине, свидетельствуют о ничтожности поддержки коммунизма в нашей общине.

Помимо этого ишув все больше тяготел к Соединенным Штатам, чья еврейская община стала теперь крупнейшей в мире. Заняв пост президента Израиля, Хаим Вейцман заверял первого посла США Джеймса Макдональда, что «наш народ демократичен и понимает, что только благодаря сотрудничеству с Соединенными Штатами и их поддержке мы сможем обрести силу и сохранить свободу». Ему вторил Бен-Гурион, который сказал Макдональду, что «Рим станет коммунистическим прежде Иерусалима».

Макдональд согласился. «Когда наступал момент и Израилю приходилось делать выбор, — писал он впоследствии, — это выбор всегда был прозападным». Советский посол Павел Ершов был согласен с ним, жалуясь, что Израиль «все больше сдвигается к американской позиции» и «может

полностью капитулировать перед американцами, став инструментом для реализации их экспансионистских планов».

Формально, однако, Израиль заявлял о своем «нейтралитете» в отношениях между Востоком и Западом — это было важно для предпринимавшихся попыток вызволить сотни тысяч евреев, оставшихся в странах-сателлитах Советского Союза. Первые руководители Израиля при всем их желании заручиться поддержкой Соединенных Штатов не стеснялись укреплять отношения и с Советским Союзом, намекая, что они могут и качнуться в сторону Москвы. Сам Вейцман предупреждал, что, если Запад «унизит и бросит Израиль в ООН и других международных организациях», народ Израиля «отдалится» и (надо полагать) обратится к Советскому Союзу. Кёстлер считал, что это невозможно, но его беспокоило, что Бен-Гурион и Шарет «слишком робко» говорили об этом, давая Вашингтону основания подозревать, что Израиль «может переметнуться на другую сторону».

Оглядываясь назад, такой сценарий представляется невероятным. Но его допущение и стремление предусмотреть его, возможно, действительно, сыграли роль в том решении, которое теперь считается рождением израильско-американских отношений. На ключевой встрече, в ходе которой Трумэн принял решение немедленно признать Израиль, советник Белого дома Кларк Клиффорд высказал соображение, что, признав Израиль первыми, США смогут «опередить СССР». Один наблюдатель отметил преобладание «весьма оправданного подозрения, что быстрое признание США было обусловлено, главным образом, страхом, что Советский Союз может сделать это первым». Среди мотивов, которыми руководствовался Трумэн, желание обойти СССР могло играть не последнюю роль.

ПОСЛЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ДЕКЛАРАЦИИ НЕЗАВИСИМОСТИ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ. МАЙ 1948.

GETTY IMAGES

По мере того как Израиль укреплялся, усиливалась и холодная война. В июле 1948 года Филипп Джессап, второй человек в американском представительстве в ООН, уже описывал Израиль как «более чем достойного противника» любой комбинации арабских сил. Джессап также сообщал, что Израиль «осознает недостатки слишком близкой связи с Советским Союзом» и «признает, что может добиться больших преимуществ от более тесной связи с США и другими западными

державами». Предупреждая, что, если Израиль «бросится в объятия Советского Союза, он может стать силой, действующей к большому ущербу для США, Великобритании и других стран Запада», Джессап приходил к ясному выводу: «справедливое» обращение с Израилем превратит его в «силу, действующую в нашу пользу».

Путь от «справедливого обращения» с Израилем до стратегического союза с Соединенными Штатами, заключенного после 1967 года, оказался долгим и довольно извилистым. Но цель его состояла в том, чтобы вывести Израиль из орбиты СССР — и это была американская реакция на крайне маловероятный сценарий, который показался реальным только в силу странных, но упорных усилий Сталина поддержать еврейское государство в момент его рождения. В этом случае, возможно, у Израиля есть еще одно основание благодарить Сталина: он против собственной воли помог Израилю установить первые контакты с Соединенными Штатами.

Уроки для сегодняшнего дня

В 1961 году Министерство иностранных дел СССР опубликовало сборник основных документов по советско-арабским отношениям. Хотя редакционную коллегию возглавлял сам Громыко, в эту книгу не вошла *ни одна* из его речей в ООН в поддержку Израиля. В изданных в 1988 году на русском языке мемуарах Громыко также ни разу не упоминает, что Советский Союз поддерживал Израиль в 1947 и 1948 годах и о том, какую роль он сыграл в провозглашении Израиля. В СССР хотели стереть весь этот эпизод из памяти и заставить арабских сателлитов сделать то же самое. «Теперь это [Израиль] в нехорошее дело вылилось, — рассуждал Молотов в старости, отвечая на вопрос о советской поддержке образования Израиля, — но Г-споди Б-же мой!.. А то, что есть американский империализм, — хорошее дело?»

К счастью, за последние два десятилетия несколько талантливых историков провели огромную работу, чтобы открыть архивы и рассказать эту историю во всех подробностях. Собирая данные для этого очерка, я полагался, главным образом, на их публикации. К числу этих историков относятся прежде всего Яаков Рои, Арнольд Краммер и Ури Бялер, чьи внушительные труды появились еще до распада Советского Союза; а также Габриэль Городецкий, Биньямин Пинкус и Лоран Рюкер, чья работа в открывшихся впоследствии архивах привела к многочисленным новым открытиям. Существует множество важнейших научных статей других авторов, отвечающих на различные вопросы, связанные с этой историей, но многое до сих пор не выяснено.

Но все же этим вопросом занимаются очень мало. И израильские дипломаты, и американские сионисты предпочитают рассказывать одну и ту же простенькую сказку, отраженную в заявлении посла Данона: «С тех пор как президент Трумэн стал первым мировым лидером, признавшим еврейское государство, у Израиля не было лучшего друга, чем Соединенные Штаты Америки». Всем нравится 70-летняя история любви между маленьким воинственным Израилем и величайшей сверхдержавой и демократией мира. Но как мы видели, это заявление, вполне точное в отношении последних лет, не соответствовало истине в те годы, когда Советский Союз, по словам первого посла Израиля в ООН Абы Эбана, «поддерживал Израиль еще активнее, чем даже Соединенные Штаты».

К сожалению, за искажение истории приходится платить. Во-первых, не получает освещения истинное значение международного признания, которого удостоился Израиль во время голосования по разделу. Да, потребовались героические усилия сторонников раздела, в том числе Соединенных Штатов, чтобы заручиться необходимыми двумя третями голосов в Генеральной ассамблее. Но успешный исход был обусловлен тем принципиальным фактом, что обе державы-победительницы, Соединенные Штаты *и* Советский Союз, поддержали раздел и создание еврейского государства. Это сближение создало восходящий поток и привлекло другие страны.

Аба Эбан считал раздел «первым советско-американским соглашением послевоенной эры». То, что таким соглашением стало создание еврейского государства, говорит о том, как глубоко заложены основы международного признания Израиля. Многие арабские апологеты все еще пытаются показать, что то или иное голосование в Генеральной ассамблее было обусловлено подкупом или сделкой, и действительно, в ноябре 1947 года сторонники раздела задействовали все возможные методы. Но обе сверхдержавы объединились, и нужно было питать особенную враждебность к сионизму, чтобы проголосовать против. За несколькими исключениями, это были только страны, населенные преимущественно мусульманами.

Во-вторых, ложная идея о том, что Соединенные Штаты были «лучшим другом» Израиля в 1948 году, умаляет заслуги самих первых израильтян. Гораздо проще было бы победить палестинских арабов и даже союзные арабские армии при поддержке величайшей мировой державы. Но у Израиля такой поддержки не было. На встрече с госсекретарем Джорджем Маршаллом Шарет высказался довольно резко (в соответствии с записями первого секретаря Совета министров Израиля Зеэва Шарафа):

Соединенные Штаты, продолжал [Шарет]*, не помогли основать Израиль; [они] содействовали только, проголосовав в ООН, и этого мы не забудем. Но мы, еврейский народ,* сказал он, *сражались в Палестине сами, без какой-либо помощи. Мы просили оружия, но нам его не дали; мы просили военных директив, но с ними тянули; наконец, мы попросили броню для автобусов, и даже в этом нам было отказано. Все, чего мы добились, мы достигли исключительно собственными силами.*

Шарет был слишком дипломатичен, чтобы напомнить Маршаллу о том, что сделал для Израиля Советский Союз.

В мае 1949 года Трумэн отправил Бен-Гуриону письмо с угрозами, критикуя послевоенную позицию Израиля по границам и беженцам. Трумэн упомянул, что американское правительство (и народ) «предоставили щедрую поддержку образованию Израиля». В своем дневнике рассерженный Бен-Гурион опровергает эту инсинуацию, преуменьшая даже поддержку США в ходе раздела:

Государство Израиль возникло не вследствие резолюции ООН. Ни Америка, ни какая-либо другая страна не содействовали выполнению этой резолюции и не помешали арабским странам (и британскому мандатному правительству) объявить нам тотальную войну в нарушение резолюций ООН. Америка пальцем не шевельнула, чтобы спасти нас, наоборот, она ввела эмбарго на оружие, и если бы мы потерпели поражение, она не стала бы воскрешать нас.

Основатели Израиля сомневались в том, что Соединенные Штаты твердо стояли на стороне молодого государства в момент его создания. Своим существованием, считали они, Израиль обязан только собственному мужеству и стойкости — а также ящикам с оружием, отправленным по приказу Сталина и купленным за миллионы долларов, которые собрали американские евреи.

UNITED NATIONS GENERAL ASSEMBLY

VOTING SHEET

November 29, 1947.

Country	Yes	No	Abstain	Country	Yes	No	Abstain	Absent
AFGHANISTAN		X		LEBANON		X		
ARGENTINA			*	LIBERIA	✓			
AUSTRALIA	✓			LUXEMBOURG	✓			
BELGIUM	✓			MEXICO			*	
BOLIVIA	✓			NETHERLANDS	✓			
BRAZIL	✓			NEW ZEALAND	✓			
BYELORUSSIAN,S.R.	✓			NICARAGUA	✓			
CANADA	✓			NORWAY	✓			
CHILE			*	PAKISTAN		X		
CHINA			*	PANAMA	✓			
COLOMBIA			*	PARAGUAY	✓			
COSTARICA	✓			PERU	✓			
CUBA		X		PHILIPPINES	✓			
CZECHOSLOVAKIA	✓			POLAND	✓			
DENMARK	✓			SAUDI ARABIA		X		
DOMINICAN REPUBLIC	✓			SIAM				X
ECUADOR	✓			SWEDEN	✓			
EGYPT		X		SYRIA		X		
EL SALVADOR			*	TURKEY		X		
ETHIOPIA			*	UKRANIAN.S.S.R.	✓			
FRANCE	✓			UNION OF SOUTH AFRICA	✓			
GREECE		X		UNION OF SOVIET SOCIALIST REPUBLICS	✓			
GUATAMALA	✓			UNITED KINGDOM			*	
HAITI	✓			UNITED STATES OF AMERICA	✓			
HONDURAS			*	URUGUAY	✓			
ICELAND	✓			VENEZUELA	✓			
INDIA		X		YEMEN		X		
IRAN		X		YUGOSLAVIA			*	
IRAQ		X						

Yes 33 No 13 Abstain 10 Absent 1

— PALESTINE PARTITION PLAN —

РЕЗОЛЮЦИЯ 181, ПРИНЯТАЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕЙ ООН 29 НОЯБРЯ 1947

В-третьих, рассказывая историю раздела как историю «спасительницы Америки», мы лишаемся важнейших уроков. Гений сионистской дипломатии в 1947 году, как и в 1917 году, состоял в том, чтобы точно определить, какие силы переживают взлет, а какие упадок, и суметь играть на противоборствах. Сионисты были слишком опытными политиками, чтобы полагаться на дружбу только одной державы. Конечно, можно сказать, что у сионизма вообще не было верных «лучших друзей». Мировые войны, революции, крушение империй — сионистские лидеры не видели постоянных величин в международной политике и неустанно следили за первыми признаками изменений в политике и соотношении сил. Сионисты практиковали диверсификацию в дипломатии, никогда не говорили «никогда» и никогда не принимали отказа.

Ни один сионист сегодня и не подумал бы праздновать годовщину голосования по разделу, прославляя мудрое предвидение товарища Сталина. Но прославлять только Трумэна как нового Кира — это отказ от идеи многообразия возможностей (и неверное обращение с историей). В тот день мир приветствовал рождение еврейского государства в Палестине. Это стало возможным благодаря тому, что проницательные и упорные еврейские государственные деятели и дипломаты убедили лидеров великих держав, антагонизм которых неуклонно возрастал, что еврейское государство послужит интересам каждого из них.

«Если говорить о советской и американской политике, — писал Пол Джонсон в статье 1998 года, которую я цитировал в самом начале, — Израиль пробился на свет через едва приоткрытое и внезапно закрывшееся окошко». Сионистские политики — в строгом соответствии

с сионистскими военными — смогли приоткрыть это окошко достаточно широко и на достаточный срок, чтобы Израиль проскочил в него. Именно это достижение и достойно памяти и празднеств во Флашинг-Медоус 70 лет спустя. Сага о голосовании по разделу — не только часть американской истории, это напоминание о том, что Израиль всегда должен проявлять невероятную ловкость, маневрируя среди различных сил, и никогда не полагаться только на одну. Это было критически важно в момент рождения Израиля и может оказаться критически важным опять.

И наконец, есть еще одна причина для размышлений по мере приближения Израиля к 70-й годовщине. В начале XX века одновременно произошли сионистская революция и революция в России. Обе они возникли из-за схожего недовольства, примерно в одном и том же географическом пространстве. Неудивительно, что обе они конкурировали за признание и энергию евреев. Советский Союз продержался почти 69 лет, с 1922 до 1991 года. Начиная с этого года Государство Израиль становится старше, и оно продолжает процветать. Израиль выиграл войну за евреев, подобно тому как Соединенные Штаты выиграли холодную войну.

Советское наследие заслуживает всякого порицания и в отношении Израиля. Позднее Советский Союз вооружал арабов и провоцировал их развязывать с Израилем кровопролитные войны, которые принесли множество страданий. Но Израиль обязан этому жестокому режиму XX века двумя вещами. Во-первых, отцы-основатели Израиля, как видно из этого очерка, в самом начале заручились важнейшей поддержкой Советского Союза. И во-вторых, он спас миллионы евреев от уничтожения нацистами — тех евреев, потомки которых резко увеличат население Израиля после распада СССР.

Все это не умаляет преступлений, совершенных Сталиным, который по жестокости не уступает Гитлеру. Вся эта история напоминает о том, что, хотя Израилю всегда стоит отдавать предпочтение хорошей компании, всеми остальными пренебрегать тоже не следует.

Оригинальная публикация: Who Saved Israel in 1947?

КОММЕНТАРИИ